

по-прежнему

Анна Данилова

**ИГРЫ
С ТЕМНЫМ
ПРОШЛЫМ**

ОНА НОСИТ МАСКУ, СТАВШУЮ ЕЕ ЛЕГЕНДОЙ...

Анна Данилова

Игры с темным прошлым

«Автор»

Данилова А.

Игры с темным прошлым / А. Данилова — «Автор»,

Соседка Маши Валентина исчезла. О том, что ее убили, стали поговаривать уже на третьи сутки. Но мало ли куда может отправиться женщина на три дня? Тем более вдова, которая десять лет прожила без мужской ласки и терпела от супруга лишь унижения. Маша, убегая от своих проблем, уезжает на время в Болгарию и встречается там пропавшую женщину. А та проходит мимо, будто не узнавая свою давнюю знакомую...

© Данилова А.

© Автор

Содержание

1	6
2	8
3	11
4	14
5	17
6	19
7	22
8	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анна Данилова Игры с темным прошлым

Дорогой читатель ЛитРес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое лучшее в жизни!

Изучайте, познавайте и
используйте возможности
жизни! И творите сами!

Анне Даниловой (франц.)

1

Она исчезла. О том, что ее убили, стали поговаривать уже на третий день! И это было невероятно хотя бы потому, что прошло так мало времени, а ее уже записали в покойницы. Мало ли куда может отправиться женщина на три дня? Тем более вдова, которая десять лет прожила с мужем, не зная мужской ласки и получая от него лишь оскорбления и унижения. И никто не мог подумать, что ее муж, тихий и тщательно одетый господин, разъезжающий на дорогой машине, настоящий домашний тиран, который изводил свою жену, превращая ее на то время, что он дома, в рабыню. Но все это осталось в прошлом – ее муж умер в августе. Она до последнего часа находилась рядом с ним, возле его кровати, глядя на то, как это некогда здоровое и ухоженное животное превращается в скелет. Она ухаживала за больным не из чувства долга – она никогда не считала себя чем-то ему обязанной и в душе люто ненавидела его и жила с ним лишь от страха перед одиночеством, – а скорее потому, что видела муку в его глазах, когда все то хорошее, что еще оставалось в нем, боролось с упрямым и жестоким характером, и когда побелевшие губы шептали вместо грубых слов, которые она только и слышала от него, ласковые «Валечка» или «Валюша». Он просил ее подойти, а когда она садилась на край его постели, судорожным движением брал ее руку в свою и молчал, глядя в потолок, и из уголков глаз его, по вискам, катились слезы. Ему было, наверно, жаль, что он так и не смог перешагнуть через себя, не мог признаться себе в том, что любит Валентину, пусть не так, как ту, другую, без которой не мыслил жизни до болезни ни дня, ни часа, но все равно любит, а потому теперь, когда смерть точила его изнутри, пожирая все внутренности и подбираясь к мозгу, он, как Валя полагала, раскаивался в своей жестокости и бесчеловечности...

Он умер в августе, а в сентябре, когда я вернулась домой, она зашла ко мне и сказала:

– Знаешь, я только сейчас жить по-настоящему начала. Вздохнула, что называется... Я тебе не рассказывала, а ведь он просил застрелить его, когда боли стали невыносимыми... Рядом была его дочь, конечно, ей тоже надоело сидеть ночами возле его постели, она устала, дома ее ждали муж, дети... И она, представляешь, глядя на меня, вдруг сказала, тихо так, но мне показалось, что громко, настолько все это было страшно... Она сказала: «Сделай так, как он просит, ты же видишь, как он мучается...» А ведь она его дочь. Я так и не поняла, хотела ли она, чтобы на мне было убийство, или же искренне жалела отца... Но я ответила ей резко, мол, если хочешь, стреляй сама, я покажу тебе, где лежит пистолет...

Валентина многое мне тогда рассказала. Но не плакала, как обычно, хотя и курила. Она пришла ко мне в красивом голубом платье и белой вязаной кофте, достала из кармана пачку легких дамских сигарет и предложила мне. Мне нравилось сидеть с ней на кухне, пить чай, говорить о том о сем и курить... Курили мы мало, а говорили много. Она часто рассказывала мне о своих встречах с гадалками, не знаю уж, почему, но ей очень хотелось знать, что ее ждет... Молодая гадалка будто бы нагадала ей смерть мужа и мужа ее родной сестры... Интересно, знала ли она, эта мошенница, что через несколько месяцев не станет и Валентины? Думаю, что нет. Я не верю в гадание и не люблю гадалок... В ту последнюю встречу Валя призналась мне, что собирается бросить курить, это означало, что всем ее мучениям пришел конец, что ей теперь не надо нервничать и жить в постоянном страхе перед мужем... Теперь, когда я почти уверена, что ее нет в живых, имею ли я право высказать свое мнение? Думаю, что да... Валентина жила своими страданиями, как живут многие женщины. Элемент мазохизма, скажете вы? Возможно. Но отними у нее эти страдания, этого ненавистного мужа, и жизнь ее станет пустой. Я не знаю, как это можно еще объяснить...

– Я мебель новую купила, – вдруг вспомнила она, и лицо ее просветлело. Вообще-то, она была простой женщиной, медсестрой на пенсии, и, несмотря на все свои слезы в отношении неудавшейся личной жизни, отлично знала, что, разведись она с мужем, на пенсию не прожи-

вет. Вернее, может, и проживет, но не так, как она привыкла жить. Да и соседи тоже так говорили, что Валя, мол, живет со своим из-за денег, завидовали ей, и никогда не поверю, чтобы посочувствовали.

И вот она исчезла. Первой тревогу забила ее сестра. На третий день приехала из Снегирей и сразу же вызвала милицию. Написала заявление о пропаже сестры. Я узнала об этом от дворничихи, сестру-то Валину я никогда не видела. И хотя участковый пытался ей объяснить, что рано она пишет заявление, что сестра ее еще найдется, но эта женщина, по-видимому, уже понимала, что с Валею случилось что-то ужасное... Это потом появятся какие-то детали, кто-то что-то скажет, вспомнит...

Надо было знать Валею, чтобы понять, что не могла она, такая аккуратная и чистоплотная женщина, покинуть квартиру, не убрав, к примеру, за собой постель... Да и постель вся разворочена, смята, а простыня сорвана... словно кто вытащил ее из кровати... На столе – паспорт. Сейф – раскрыт и пуст. Все знали, что накануне она продавала машину мужа, ту самую, дорогую иномарку... Покупателя нашли быстро и легко. Сделка была составлена по всем правилам. Он описал хозяйку машины: высокая стройная женщина с густыми каштановыми волосами и большими карими глазами. Все совпало. Разве что женщина была не одна, а с мужчиной... Никто никогда не видел рядом с Валентиной мужчины. Только покойного мужа, разумеется. Кто этот человек? Кто?!

Соседка пропала. Неделя прошла, вторая... Я не могла спокойно проходить мимо ее двери, мне так и хотелось подойти, позвонить, поздороваться, пригласить к себе... Но я знала, что квартира пуста. И что куча наследников только и ждут момента, когда же будет найдено тело. Но тела не было. Но и живой она быть не могла. Не такой она человек, чтобы не сообщить о себе сестре и матери... Да, оказалось, что у нее жива мать.

Я не могла не вспомнить эту историю хотя бы потому, что спустя два месяца после описываемых событий я неожиданно встретила Валентину... Это было не в Москве и даже не в России.

2

Моя беременность казалась мне выдумкой врачей. Я по-прежнему оставалась стройной, живот был плоский, меня не тошнило. Но я была беременна, меня осматривало уже трое врачей. Я хотела удостовериться, что это действительно так.

Поначалу я не знала, радоваться мне или нет. Звонить ли мужчине, от которого я забеременела, как я полагала, в первое же свидание, или нет? Разве думала тогда, что он может быть женат? Да и какое это тогда имело значение, если мы просто вошли друг в друга, стали единым организмом, и нам было так хорошо вдвоем. А ведь у меня и до него были мужчины, и немало. Мне было с кем его сравнивать. Лишь на другое утро я узнала, что он женат, случайно. Хотя он и сказал мне, что уйдет от своей жены, что они давно уже не живут вместе, но так говорят абсолютно все мужчины, собираясь завести очередную интрижку. А мне интрижки надоели, я наелась этими приторными отношениями, я полюбила этого мужчину и хотела бы каждое утро просыпаться рядом с ним... Но это были мечты. И моя сестра так и сказал мне об этом. Моя сестра – человек радикальных решений. Она всегда говорила мне, что устала от моей неустроенности, от моей безалаберности, словно моя жизнь – это и ее жизнь, хотя на самом деле я живу совершенно обособленно, на другом конце Москвы, и с сестрой мы больше общаемся по телефону. Я даже не знаю, как зовут ее второго мужа, никогда с ним не виделась, и не потому, что не хотела видеть – просто как-то не сложилось встретиться... По-дурацки все получилось. Или, может, на подсознательном уровне мне не хотелось, чтобы у моей Оли был второй муж? Она с первым натерпелась, с пьяницей несчастным, еле-еле нашла в себе силы от него избавиться. Похудела, подурнела, сделала аборт, после которого, как она сказала, у нее не может быть больше детей... А я даже не нашла времени ее утешить, все некогда. У меня тяжелая и очень напряженная работа – я совмещаю должность финансового директора с генеральным директором предприятия-банкрота. Точнее, это я знаю, что совмещаю, генеральному директору так не кажется, он просто не ходит на работу, путешествует в свое удовольствие, уверенный, что я, его финансовый гений, вырулю и к его приезду на нашем счете будет кругленькая сумма. Он это ценит и время от времени премирует меня, но что такое эти мизерные премии по сравнению с теми суммами, которыми он располагает исключительно благодаря моим способностям, таланту и желанию в очередной раз приятно удивить его?! С другой стороны, большое место в наших с ним отношениях играет человеческий фактор: мы бесконечно доверяем друг другу и знаем, что это предприятие – не последнее и что у нас с ним есть светлое материальное будущее, в котором роли распределены так же несправедливо, как и вознаграждения... Словом, я люто ненавидела своего шефа, но прилагала максимум усилий, чтобы он этого не заметил. Я презирала его, но он об этом так никогда и не узнает... Я все пытаюсь вспомнить, с чего же началась эта история. С исчезновения Валентины или с моей внезапной беременности? А может, с того вечера, когда я впервые увидела Игоря?

Он пришел к нам в контору и сказал, что какой-то идиот «запер» его машину и он никак не может выехать. Этим идиотом была я. Втиснула свой потрепанный красный «Фольксваген» между двумя «мерсами», надеясь на то, что не застряну на работе, что уже через полчаса освобожусь и поеду домой. Но ошиблась. Хозяин одного из этих навороченных «мерсов» теперь стоял передо мной и в нетерпении крутил на пальце брелок с ключами.

– Это моя машина, – тихо сказала я и спокойно направилась к выходу. Разве могла я тогда знать, что через два с половиной месяца я буду лететь в самолете в Софию, увозя в своем чреве ребенка этого красивого молодого хама?

Но сначала был роман. Бурный, красивый, ярко-августовский, переходящий в перламутрово-сентябрьский... Мы встречались на квартире, которую он снял специально для наших встреч. Я забросила работу, срывалась с нее всякий раз, когда чувствовала свою безнаказан-

ность. Стоило моему шефу завихриться куда-нибудь в Африку или Бразилию (он проматывал свои и мои денежки быстрее, чем мы могли их зарабатывать!), как я звонила Игорю, и мы уединялись в просторной, заваленной пустыми коробками из-под пиццы и пластиковыми бутылками из-под колы квартире. Мы постоянно спешили, все делали впопыхах, и ребенка нашего зачали точно так же, безалаберно, как сумасшедшие... Зато теперь я знаю, что такое страсть, любовь, наслаждение, боль, разлука, отчаяние, страх... Все знаю. Хочу к нему вернуться и не могу...

– Машка, ведь ты некрасивая, заикаешься, и ноги у тебя тонкие, почему же тебя мужики так любят?

Ольга все-таки приехала, застала меня в нашей родительской квартире, опухшую от слез и отекающую, как мне тогда казалось, от моей тщательно скрываемой ото всех беременности. Спросила сразу, где я так долго пропадала, почему в квартире такой бардак, а на лице моем – сплошная тоска. Я ответила ей, что полюбила мужчину, жила с ним почти два месяца, пока не поняла, что он никогда не расстанется со своей женой, что он, хотя и не любит ее, но жалеет, что у нее, по его вине, не будет детей, что она очень одинока...

– Она так одинока и несчастна, что он продолжает спать с ней, а тебе морочит голову, – заявила она, чуть ли не сжав кулаки, а потом добавила нежно так, ласково: – Бедняжка ты моя...

У Ольги моей светлые блестящие волосы, которые она упрямо заправляет за уши, но они, непослушные, снова падают на лицо, такое белое, с розовыми скулами... Она у нас красавица, моя сестричка Оля, и от нее всегда хорошо пахнет, какими-то фантастическими духами, которые она придумывает себе сама, смешивая ароматы, а еще у нее сиреневые глаза, я не знаю, где она покупает такие, удивительных оттенков, линзы...

Я лежала на диване, закутавшись в мамин красный кашемировый шарф (мама с отцом уже пять лет как жили в деревне, под Владимиром, и держали коз и уток, что ж, каждый ищет то, что он хочет), и скулила, Оля же в это время мыла полы и варила мне кашу. Она была моим добрым ангелом, моим вдохновителем... Но жизнь она в меня тогда не вдохнула. Больше того, глядя на меня, сама раскисла, расплакалась, и мы с ней, лежа в обнимку под маминым шарфом, скулили уже на два голоса – она вообще-то приехала ко мне, чтобы рассказать, что ее новый муж спит со своей секретаршей...

– Уехать, что ли? На море, – вздохнув, спросила я скорее даже не ее, а себя. И тут же, испугавшись разлуки с отцом моего ребенка, поспешно ответила, словно моим словам суждено было материализоваться: – Хотя нет, ку-куда мне...

– Если соберешься – скажи мне, я перееду сюда, поживу, посторожу квартиру... У меня вон у одной знакомой, пока она была в отъезде, поселился какой-то парень... Она приезжает, открывает дверь и видит незнакомого человека... Она так испугалась, что даже не вызвала милицию. Оказывается, эту квартиру сдала этому парню ее соседка, которой она оставила ключи, чтобы та поливала цветы... – Она еще что-то говорила, но я не слушала ее. Я видела себя на море, прозрачная вода, и моя рука пытается поймать разноцветных рыбок... Картинка из рекламного туристического проспекта «С нами – в Египет».

– Ты снова стала заикаться, – сказала Оля и прижалась ко мне теснее, обняла меня, поцеловала в висок. – Тебе нездоровится?

Я ответила, что никогда в жизни никого больше не полюблю, что ненавижу мужчин, плела еще что-то, пока не уснула. А когда проснулась, поняла, что никуда не поеду, что снова включу все свои телефоны и буду ждать его звонка. Что не могу без него, что нет смысла обманывать себя. Оле же я сказала, что не стоило ей выходить замуж второй раз, что прежде, чем выходить замуж, надо хорошенько узнать человека. Словом, несла всякую дежурную чепуху, целовала ее долго на пороге, втайне мечтая, чтобы она поскорее ушла и оставила меня одну, наедине со своими мыслями и чувствами: я ждала звонка...

– Знаешь, хотела тебе сказать, – вдруг вспомнила я. – Валентина пропала, помнишь, соседка с первого этажа?

– Валя? Это та самая, у которой мы с тобой постоянно занимали деньги?

– Да, – кивнула я головой. – Уже неделю, как нет. Говорят, ее убили. Она машину покойного мужа продала...

– А что, ее муж умер?

– Недавно, в августе, она еще заходила ко мне, рассказывала, как он умирал, ну, все подробности... мне так ее жалко было... Столько натерпелась. И вдруг пропала.

– А почему обязательно убили? Может, она влюбилась и уехала с кем-нибудь куда-нибудь?

– Да я тоже так подумала, но она не такая, понимаешь?

– Нет, не понимаю. Когда женщина влюбляется, она ничего не соображает...

– Это ты по себе судишь?

– А ты разве не такая?

– Такая, – охотно согласилась я, потому как твердо знала, что до сих пор ничего не сообщаю, что живу, как дышу, отдавшись своей страсти, и чувствовала при этом, особенно когда рядом была Оля, вину. – Но она не такая. Ее постель была разворочена, не убрана, понимаешь, на Валю это не похоже... Все вещи на месте. И паспорт на столе. А сейф вскрыт или просто открыт, я точно не знаю, и пустой...

– Слишком мало времени прошло, чтобы волноваться, – ответила Ольга. Она стояла передо мной уже в дверях такая нарядная, во всем ярко-синем, просто-таки искрящаяся чистотой, свежестью и была похожа на цветущую у меня на подоконнике фиалку. И следа не осталось от той Оли, что плакала у меня не так давно на плече и размазывала слезы по щекам мягким кашемировым шарфом. Как же быстро она умеет брать себя в руки. И я – в пижаме, растрепанная, со слипающимися от усталости, бессонницы и слез веками.

– Может, ты его мало любила? – Эти слова выскочили помимо моей воли. Я не знаю, кто их произнес вместо меня, но сказаны они были моим голосом.

– Я? Я мало его любила? С чего ты взяла, и что ты вообще можешь знать о наших отношениях? – Оля нахмурила свои аккуратно выщипанные брови и сразу же, как в детстве, надула губки.

– Оль, не обращай внимания на слабоумную, – посоветовала я, шлепнув себя по губам пальцами, словно раскаиваясь в сказанном. Ведь я так не думала, кто тянул меня за язык?

– Ладно, Машка, пока. – Она великодушно чмокнула меня в щеку в знак прощения и ушла. А я осталась – ждать звонка.

3

Я видела ее вчера вечером, когда возвращалась с моря домой. Домом для меня на время стала чудесная белая вилла с оранжевой черепичной крышей, миниатюрными колоннами и тремя мраморными широкими ступеньками, на каждой из которых, с двух сторон, стояли кадки с некогда, вероятно, пышными, но сейчас, в ноябре, словно подмороженными тропическими растениями. Внутренний дворик наподобие испанского патио, выложенный мраморной плиткой, своим видом напоминавшей срезы свежего розоватого сала, был усыпан бордовыми и алыми листьями винограда – холод словно воспламеняет их. В воздухе пахло дымом из печных труб: в Созополе, городке на самом юге Болгарии, куда занесло меня желание избавиться от заикания, а заодно и от комплексов, все местные жители топят свои дома дровами. И начиная с октября с утра и до позднего вечера то тут, то там визжат электропилы – это пришлые цыгане, черноглазые, неприветливые, заросшие густейшей шевелюрой и одетые в потрепанные джинсы и толстые свитера, пилят и укладывают аккуратными стопками дрова... Я поднималась к улице Вихрен, на самую высокую улицу нового города, и куталась в мамин кашемировый шарф, надетый поверх куртки, и ветер с моря, прохладный и влажный, трепал мои длинные волосы. По дороге я купила пакетик с виноградом и думала только о том, как приду сейчас в свою тихую и уютную комнату, разожгу камин, сяду в кресло... Нет, сначала помою виноград и съем немного, а потом уже буду возиться с камином... Словом, я шла и думала о таких вот простых и милых вещах, как вдруг увидела Валентину. Она, не в пример мне, была одета легко, совсем как тогда, когда я видела ее последний раз: в голубом платье и вязаной белой кофте. Она шла мне навстречу по противоположной стороне улицы и улыбалась. Я чуть не сошла с ума! Даже остановилась, чтобы получше рассмотреть ее. Но она прошла мимо, не взглянув в мою сторону. Я медленно повернула голову, чтобы посмотреть ей вслед, а если решусь, то и окликнуть ее, но она уже исчезла. Возможно, завернула за угол узкой улочки Мусала или спустилась к старому городу. Показалось, подумала я и двинулась снова в гору, к себе на Вихрен. Но не успела я пройти и двух шагов, как опять увидела ее – она снова шла мне навстречу, на ней были все то же голубое платье и белая вязаная кофта, только теперь она шла не по левой стороне улицы, а по правой – то есть она должна была пройти всего в сантиметре от меня, если не *сквозь меня*... У меня волосы на голове зашевелились! Она шла словно слепая, нет, она не вытянула вперед руки, как ходят слепые, у которых отняли палку, нет, но я чувствовала, что она идет и ничего не видит вокруг себя. Тем более меня, человека из другой жизни. Что она делает в Созополе? Как она здесь оказалась? Неужели существуют такие вот дичайшие совпадения? Я понимаю еще, если бы встретила Валу в этом чудесном городе при других обстоятельствах, то есть если бы я не знала эту жуткую историю ее исчезновения. Но ведь все говорили о том, что ее нет в живых. Все сюжеты о потере памяти всегда казались мне надуманными, я не могла представить себе, что у Валентины амнезия и ее, как овцу на заклание, привезли в другой город, в другую страну, в другую жизнь.

Валентина никогда бы не двинулась с места – была слишком инертной, привязанной к одному месту, к городу, стране. Да и зачем ей было куда-то уезжать, прятаться от близких ей людей, я имею в виду мать и сестру, когда после смерти мужа она осталась богатой вдовой, способной изменить свою жизнь к лучшему и без таких вот радикальных марш-бросков. Но факт оставался фактом – я видела ее, я не могла ошибиться. Но как в таком случае объяснить то, что я встретила ее дважды за пять минут? Две Валентины прошли мне навстречу? Первая – по другой стороне улицы, вторая – чуть ли не задела меня... Она шла так близко, словно специально для того, чтобы я могла получше разглядеть ее, вот, мол, смотри, это я, но только не вздумай коснуться меня, твоя рука увязнет в этом сгустке морского воздуха и твоих болезненных фантазий... Я вспотела, пока поднялась на свою улицу и добрела наконец до дома.

Хозяева, которых я почти не видела (они работали в Бургасе, уезжали рано утром, а приезжали поздно вечером), сдавая мне комнату, показали мне, как растапливать камин, включать котел в ванной комнате, пользоваться стиральной машиной, словом, иногда я чувствовала себя просто хозяйкой этого небольшого, но очень уютного и красивого дома. И если первые несколько дней я, возвращаясь с прогулки, испытывала в этом доме какое-то беспокойство и вздрагивала от каждого звука, то потом это чувство необъяснимого страха прошло, уступив место благодатному покою. Вот и тогда я, открыв застекленную дверь, вошла в дом и заперлась, словно пряталась от призрака Валентины, как прежде от своих страхов. Я взмокла, мой свитер оказался слишком теплым для такой погоды, да и для встречи с призраками, к тому же на мне была еще куртка и мамин шарф... Словом, я сняла с себя все и встала под теплый душ. Ощущение чистоты в этом городе никогда не покидало меня. Здесь всегда чисто, даже в дождь, и когда я в своих удобных ботинках входила в переднюю с мокрой улицы, следы от подошв были едва заметными, и достаточно лишь потоптаться на шерстяном коврике возле двери, чтобы подошвы снова стали сухими...

Я приняла решение уехать из Москвы, когда поняла, что Игорь никогда не бросит свою жену, не разведется с ней, а потому мне не оставалось ничего другого, как найти в себе силы забыть его. Я постоянно внушала себе, что ребенок, которого я ношу под сердцем, – уже большое счастье, ведь он был зачат от любимого человека. Но чем чаще я себе это внушала, тем больше становилось при мысли, что этот самый любимый человек никогда о нем не узнает. Обычная история, каких тысячи... Нет, миллионы. Сначала я хотела написать ему письмо, вернее, я даже написала, мол, прощай, Игорь, я очень люблю тебя, но не хочу делить тебя с другой женщиной, живи себе спокойно... Но что такое слова, написанные на бумаге, по сравнению с той душераздирающей болью, которую я испытывала, покидая Москву и никому даже и словом не обмолвившись о Болгарии? Мне посоветовала съездить сюда одна моя приятельница. Она отдыхала летом в Созополе и рассказала мне об одной женщине по имени Адрияна, которая лечит много болезней, в том числе и заикание. Не могу сказать, что я решила все в один день, нет, на все, вплоть до покупки визы, ушла целая неделя. Я не хотела жить в большом отеле, где останавливались в основном англичане, немцы, скандинавы и французы – веселые ленивые бездельники, облюбовавшие этот маленький курортный город для тихого и дорогого отдыха, а потому, когда мне предложили пожить в частном доме, я без колебания согласилась. Когда меня спросили о том, где я буду питаться, и здесь я решила оставаться до конца самостоятельной – в Созополе, как мне сказали в турбюро, на каждом шагу маленькие уютные рестораны... Это было как сон, как наваждение, и даже, уже находясь в самолете и листая рекламный проспект сибирской авиакомпании, я не до конца понимала, что со мной происходит и как так получилось, что я уехала из Москвы, даже не попрощавшись с Игорем. Но мне нельзя было думать об этом, чтобы не видеть перед собой его темно-синих глаз, его губ... Игорь был очень красивым мужчиной, с гладким и сильным телом, нежной кожей и мягким, бархатистым голосом, удивительно спокойный, рассудительный, ласковый и добрый. Мне было с ним так хорошо, что я понимала – долго продолжаться это не может, что так не бывает... Меня никогда не интересовала его работа, я ничего не знала о его семье, за исключением того, что он был женат и не любил свою жену. Но, несмотря на это, он никогда не отзывался о жене дурно, и в глубине души я его за это уважала. Мы встречались с ним почти каждый день и вели себя – я уже говорила это – как ненормальные, словно долгое время жили неправильно, плохо и, лишь встретив друг друга, поняли всю бессмысленность прежнего существования. Я не могла себе представить Игоря раздраженного, злого, говорящего мне что-то обидное, злое, он был самым настоящим ангелом, тихим, умным и бесконечно добрым, настолько добрым, что никак не мог решиться заявить своей жене о том, что он любит меня... Во всяком случае, именно так я объясняла себе его медленное осознание того, что так долго продолжаться не может, что мы любим друг друга, что мы должны жить вместе и он должен сделать выбор. Представляла ли я

себя на месте его жены? Да, безусловно. Я представляла, как он, решив бросить меня и уйти к другой женщине, долго не может сказать мне об этом, мучается при мысли, что доставит мне боль. Но разве измена лучше? И вот так мы оба разрывались между желанием быть вместе и желанием оставаться людьми по отношению к той, кто не заслуживает предательства... Но разве мы были в силах что-то изменить и заставить себя не любить друг друга? Это был замкнутый круг, тяжелое время и одновременно ослепительное по тому количеству светлого счастья, которое мы испытывали при встречах...

Я была словно бездомная собака, которую он подобрал на улице и сделал своей. Он был моим хозяином, и большего счастья я себе не представляла. Почему собака, почему бездомная? Не знаю, но я представляла себя без него никому не нужной, брошенной, бездомной и глубоко несчастной. Быть может, поэтому я так часто подставляла ему свою голову под ладонь, чтобы он мог гладить меня, и я трепетала под его рукой, испытывала ни с чем не сравнимое блаженство, думая при этом, как же мало мне надо... как же много мне надо...

Иногда после часов любви, когда мы крепко спали обнявшись, а потом внезапно пробуждались от сознания того, что за окном существует другая жизнь, где нам нельзя показываться вместе, где живет и бродит, что-то подозревая, а потому чувствуя себя одинокой, его жена, имени которой я так никогда и не узнаю... грусть – одна на двоих – наполняла нас, и мы еще крепче прижимались друг к другу. Как же нам становилось невыносимо при мысли, что вот сейчас мы оденемся и расстанемся, и каждый вернется в свой мир. Думаю, если бы Игорь знал, что я беременна, у него бы сердце разрывалось, и он, наверное, принял бы решение расстаться с женой. Но я не могла с ним поступить так. Не имела права спекулировать нашим еще не родившимся малышом – уж слишком банальной становилась ситуация... Я очень хотела, чтобы он любил меня саму без моего маленького и нежного козыря, я хотела, чтобы все было честно. Разве я понимала тогда, что лгу ему с той самой минуты, как врач поставила мне диагноз: ты станешь матерью, Машка... Я лгала, лгала, и нет мне теперь прощения... Мы оба боялись сделать больно его жене, а сделали больно друг другу. Мы ранили друг друга смертельно...

4

Розовое мыло выскользнуло из рук и розовой голой мышью юркнуло за мраморный столик, растворилось в облаках пара... Вода была приятно обжигающая, я долго стояла, греясь, пока не поняла, что котел не бездонный, что в нем всего восемьдесят литров и что мне пора возвращаться в комнату, тем более что поленья в камине уже пылали вовсю, я это знала по своему опыту: возвращаясь после душа в комнату, я чувствовала, как она хорошо протоплена, а на толстом вязаном покрывале играют оранжевые блики огня...

Я жила совершенно одна, мне не с кем было даже поговорить, и я стала разговаривать с монстерой, с дивной, разросшейся разлапистой и добродушной монстерой, живущей в углу моей просторной комнаты в кадке. Я разговаривала с ней по поводу и без повода. Просто так. Объяснила ей, что буду ухаживать за ней в течение этого месяца, что со мной ей будет хорошо, что ее не вынесут на улицу, в холод, что стану поливать ее... В хозяйском садике мерзло гранатовое деревце. Но это мне только казалось, что оно мерзнет, когда я глядела на него из окна своей комнаты... на ветвях его покачивались от ветра крепенькие круглые плоды. Некоторые из них даже лопнули от спелости, показывая свои темно-красные, зернистые, поблескивающие внутренности. Хозяйка угостила меня двумя гранатами, и до чего же они были сладкие и сочные...

Оле я тоже не сказала, куда поехала. Мне надоела ее опека. Она хороший, конечно, человек, но иногда хочется побыть одной, вот как сейчас. Вообще-то она младше меня на целых пять лет, но всегда, сколько я помню, она пытается играть роль старшей сестры. Пусть, меня это не раздражает. Старшая сестра – это ответственность. Я понимаю, что на ее, прямо скажем, не совсем благополучном жизненном фоне моя жизнь кажется Оле и вовсе пропащей, и, быть может, именно мои беды и несчастья и питают ее, такое случается между близкими людьми, но и на это я стараюсь не обращать внимания, потому что моя пропадающая жизнь всегда кажется мне куда полнокровнее и счастливее, чем ее. Она, встречая мужчину, всегда спешит выйти за него замуж и считает это поступком нравственным, я же, не в пример ей, с замужеством не спешу, мне важно лишь полное обладание мужчиной без каких-либо документальных подтверждений, регистрирующих мою любовь, мою страсть... С Игорем полного обладания не получалось – я ни на минуту не забывала, что он женат, и это сильно отравляло наши отношения.

Игорь... Я не представляла себе возвращения в Москву без встречи с ним, без его звонков; быть может, поэтому я и приехала сюда – накопить силы, чтобы разорвать эти отношения раз и навсегда?

Психологи утверждают, что надо уметь заставлять себя не думать о ком-то. Легко сказать. Девочка, встань в угол и не думай о белом бычке. И девочка думает только о белом бычке. Как все просто и нелепо.

Я думала, что кисти винограда мне будет достаточно, чтобы утолить голод. Я снова ошиблась, я стала ошибаться постоянно. Ребенок, который жил и развивался во мне, свежий морской прохладный воздух были, наверно, виной моего возросшего аппетита. Я съела две кисти, но так и не наелась. Пришлось доставать из холодильника сладкого лефера – толстенькую жирную рыбку, из-за которой в Созопол любители жареной рыбы приезжали именно в мертвый осенний сезон, ведь и рыбка-то была сезонной. Уже на второй день пребывания в этом городе я знала, что свежую рыбу можно купить прямо на пристани у рыбаков, поэтому в холодильнике у меня всегда был ее запас. В глубокой хозяйской сковородке я зажарила и съела в полном одиночестве двух леферов, сильно жалея, что приехала сюда одна и что не с кем не только поговорить, но и просто посидеть за столом, поужинать... Хотела позвонить Ольге, сказать, где я, но передумала – мне внезапно пришла в голову совершенно другая мысль. А что, если позвонить

дворничихе, Зинаиде Петровне, и спросить ее, нет ли каких новостей о пропавшей Валентине. Дворничиха, женщина на редкость болтливая, обрадуется, что нашелся человек, которому она выдаст на-гора все последние дворовые новости. И я позвонила. Вымыла посуду, устроилась среди подушек на кровати перед камином, укрылась пледом и позвонила. Должна же я была удостовериться, что Валентина мне почудилась, что ее образ возник из каких-то случайных вечерних бликов, наложившихся на мое воспаленное воображение и обрывки последних глубоких впечатлений.

Услышать совсем близко громкий голос дворничихи – это еще одно впечатление, нонсенс. Худенькая вертлявая женщина, сующая свой острый нос во все чужие дела и представляющая собой яркий образчик классической сплетницы, на самом деле обрадовалась, услышав меня, и даже забыла спросить, откуда я звоню, хотя эта информация послужила бы ей источником новых сплетен.

– Валентина? Так ты еще ничего не знаешь, Машенька? Нашли ее, вернее, тело нашли, – рапортовала она мне бодрым голосом. – Где-то за городом, в посадках нашли. ... Ее застрелили. Мы уже и похоронили ее. Сестра приезжала, поминки устраивала. Так что убили нашу Валентину... А я думала, ты знаешь...

Я выключила телефон. Какое-то время смотрела на огонь, стараясь ни о чем не думать. Но мысли все равно лезли в голову, переплетались, мешали сосредоточиться, пугали, наконец. Кто же тогда гуляет в голубом платье по Созополу? Женщина, удивительно похожая на нее? Ну и ладно. Не стану больше об этом думать. Созопольское кабельное телевидение демонстрировало единственный российский канал – и это оказалось для меня настоящей отдушиной. Фильмы, новости, знакомые голоса дикторов... Я немного успокоилась, а потом и вовсе нашла объяснение своему видению. И как же я не вспомнила об этом раньше? Еще в первый день пребывания в Болгарии меня удивило огромное количество некрологов, развешанных повсюду: на столбах, стенах, дверях магазинов... На меня, российскую туристку, шагающую с дорожной сумкой на плече и глазающую по сторонам в поисках нужной улицы (я искала дом Адрияны, ее адрес подсказали мне в турбюро, оказывается, она была довольно-таки известной личностью и лечила многих русских), со всех сторон смотрели покойники. В основном это были черно-белые фотографии умерших, цветные попадались редко. Ничего не понимая, я сначала подумала, что все они умерли недавно. Оказалось, что родные и близкие покойников вспоминают их даже спустя много лет.

Я без труда нашла дом, точнее, белую роскошную трехэтажную виллу, где жила «лекарка» баба Адрияна, отворила калитку, прошла по аккуратной дорожке, посыпанной гравием, даже поднялась на крыльцо и только тогда увидела прямо перед собой наклеенный на застекленную дверь листок – некролог. Оказывается, баба Адрияна умерла месяц тому назад... Жутковато, ничего не скажешь. Удивительно, что местные жители этого курортного городка не понимают, что этими некрологами они только отпугивают живых и здоровых, меньше всего думающих в этом чудесном городке о смерти туристов. Видимо, эти черно-белые листочки-поминовения сыграли со мной злую шутку и вызвали вечерние галлюцинации. Другого объяснения здесь и быть не могло.

Так, успокаивая себя, я, сытая, под теплым пледом, стала засыпать...

Должно быть, я уснула, потому что проснулась от стука в дверь. Мне никто не должен был стучать. Я ни с кем еще не успела познакомиться. И никого, в сущности, не хотела видеть. Может, это хозяйева? Как же их зовут-то? Ее, кажется, Стефана, а его – Веселин... Да, все правильно. Меня почему-то колотило, словно я забралась в этот дом без спроса и не заплатила... Почему я так нервничала? Но кто, кто же так настойчиво стучит?

Я набросила на себя мамин шарф, вышла из комнаты в прихожую, включила свет, подошла к двери и спросила, кто там. Оказалось, Стефана. Высокая худенькая женщина с платиновыми волосами, стриженными под каре, в сером свитере и черных брюках. Милое приветливое

лицо, отсутствие косметики, улыбка, показывающая крупные желтоватые зубы – в Болгарии курят практически все женщины. С приятным акцентом она объяснила мне, что пора рассчитаться. Я смотрела на нее во все глаза и не могла понять, снится мне это или же у Стефаны склероз. Я же отдала ей деньги за две недели вперед, и немало. Здесь самые скромные комнаты стоят двадцать евро в сутки. Двести восемьдесят евро я ей отдала в первый же день. Как все это, однако, неприятно...

Стефана вошла улыбаясь и протянула мне деньги:

– Вот, возьмите, здесь ровно двести восемьдесят евро, за две недели... Как и договаривались... Вы так на меня смотрите... – Она пожала плечами. – Разве не двадцать евро в сутки?

– Но это я вам должна эти деньги, – пробормотала я, чувствуя, как мне становится жарко. Она что, с ума сошла?

– Вот, возьмите. Потом я вам еще принесу. Извините за беспокойство...

Решив, что мне все это снится, я взяла деньги, попрощалась со своей сумасшедшей хозяйкой (она сказала мне, все так же продолжая улыбаться: «Лека ношт», что означает «Спокойной ночи»), тщательно заперлась и легла в постель. Свернулась калачиком и еще какое-то время смотрела на деньги, лежащие на столике слева от камина рядом с тарелкой с яблоками. Я ждала, что это видение исчезнет, как исчезали призраки Валентины. Но деньги продолжали лежать на месте... Ладно, решила я, утром их не будет, это уж точно. Это же сон...

5

Об этом она не могла говорить ни с кем, даже со своей сестрой Машкой. Все слова о Дантовом аде не шли ни в какое сравнение с тем настоящим, по ее мнению, адом, который ей пришлось пройти там, в этой клинике... Морские узлы, растущие в самых таинственных и волшебных по своему предназначению нежных закоулках женского тела, по предписанию врачей подлежали удалению. Решительным движением хирурга женское тело лишалось единственного чудотворного цветка, внутри которого могла бы зародиться новая жизнь. Вопрос о материнстве уже не стоял: главное было – спасти жизнь. Но самым обидным был тот факт, что под нож ложились не только рожавшие, испытывавшие сладость материнства женщины, но и молодые нерожавшие девушки.

Ольгу, потерявшую ребенка, положили в послеоперационную палату. Пять молодых женщин ждали перевязки и лежали на жестких кроватях неподвижно, с задранными рубашками, и все пять были с грубыми жуткими, почти черными от зеленки швами...

Ольга провела в этой палате пять дней и за это время успела подружиться лишь с одной женщиной. Ее звали Надей, и она была единственной из всех, кого никто не навещал. Оля кормила ее, слабую, с незаживающим швом, жареной курицей и шоколадом, утешала ее как могла и в дальнейшем обещала посильную помощь. Хотя и предполагала, что стоит им только покинуть стены этого мрачного заведения, как они сделают все возможное, чтобы больше никогда не видеть друг друга, чтобы ничто не напоминало о той клинике, чтобы все забыть... Ольга забыла Надю, едва лишь вышла из больницы и вернулась к нормальной жизни. И вспомнила о ней спустя два года, когда встретила случайно в Охотном Ряду. Они увидели друг друга и нашли в себе силы не отвернуться и даже подойти к витрине с выставленными в ней украшениями из коралла.

– Привет, – сказали они почти одновременно и вдруг потянулись друг к другу и обнялись как старые знакомые. Нет, как подруги.

Надя, которая еще два года тому назад жила в коммунальной квартире и еле сводила концы с концами, сейчас стояла перед Ольгой в роскошной шубе, в ушах сверкали бриллианты, словом, все выдавало в ней благополучную молодую даму, здоровую и цветущую.

– Хорошо выглядишь, – сорвалось у Оли, и Надя поняла, что соседка по палате завидует ей, восхищается ею и сгорает от любопытства. Сколько раз уже ей приходилось встречать этот немой, полный восхищения и зависти взгляд прежних своих знакомых, всех тех, с кем она не желает встречаться уже хотя бы по той причине, что они явились свидетелями ее унижений, страданий и нищеты.

– Так все говорят, – улыбнулась она Оле вполне искренне, еще не понимая, откуда это желание поговорить, поворковать с этой дурочкой, с этой Олей, которая была так добра к ней в больнице, что делилась вкусной курочкой, а иногда и запретными в тех мертвенно-лиловых стенах бисквитами со взбитыми сливками. – Если хочешь, давай где-нибудь посидим.

Из своего опыта она знала, что такое предложение может принять не всякий, отсутствие денег ограничивает возможности, а потому безжалостно добавила:

– Ты не беспокойся, я угощаю.

Сказала и тотчас пожалела о том тоне, которым это было сказано. Оля не заслужила его, она хорошая девочка и ни в чем не виновата. Пожалуй, Наде самой хочется излить душу этой хорошенькой блондиночке Оле, рассказать о том, что с ней произошло за то время, что они не виделись. Рассказать или оправдаться? В последнее время Наде пришлось встретиться с большим количеством людей, она так много говорила с ними. Прямо-таки анатомировала души прежде, чем объяснить, что от них требуется, взяв с них слово молчать. Но даже если

они и откроют рот и начнут говорить, все равно ничего определенного никто из них сказать не сможет...

– Я бы с удовольствием... – неуверенно произнесла Оля, краснея от стыда за свою внезапную робость перед этой ставшей ей совершенно чужой дамой. – Я спешу...

– Знаешь, а ведь тот парень, от которого я забрюхатела и из-за которого угодила в больницу, – умер. Попал под машину, представляешь?

Но Оля не помнила, о ком она говорила. У Нади, как и у остальных, была опухоль матки. Но рассказ о погибшем парне обещал быть интересным, и она согласилась пойти с Надей в ресторан. Недалеко от Красной площади они зашли в миниатюрное заведение, как шкатулка, с пышными, обитыми изумрудным бархатом диванчиками. В полумраке горели свечи; им принесли икру, суп, рыбу, и все в тонкой посуде, мерцающей позолотой другой, неизвестной Оле богатой жизни.

– Я знала, что ты не позвонишь мне. – Надя без шубы оказалась в черно-красном платье, красивая, спокойная, умиротворенная и готовая, как вдруг почувствовала Оля, рассказать ей о том, где зарыт клад. – Как знала и то, что сама не позвоню тебе. Слишком уж сильно пахло гноем и кровью в тех стенах... До сих пор меня преследует этот запах. Помнишь, как долго у меня не затягивался шов? Как приходил Сергей Александрович и дергал эти черные, жесткие, как проволока, нитки? Ненавижу его, гада, хотя и понимаю, что он просто делал свою работу.

Оля закрыла глаза и вспомнила: вся палата думала, что шов у Нади уже зажил, но пришел хирург, тот самый, что оперировал ее, склонился над ее бледным впалым животом с красно-зеленой бороздой шва и надавил пальцами рядом... Шов раскрылся, и из-под тонкой кожи хлынул желто-розовый гной...

– Извини, мы же за столом... – угадала ход ее мыслей Надя. – Больше не буду. А у тебя как дела? Подожди, я забыла водочки заказать...

Они напились. В ресторане в этот дневной час, помимо них, никого не было, а потому можно было спокойно поговорить за жизнь, обсудить всех и вся. Ольга рассказала о себе, Надя же, в свою очередь, убила, шокировала ее своими откровениями.

– Ты погоди, вот завтра протрезвеешь и сама решишь, надо тебе это или нет... Но за пустяковую работу я плачу хорошие деньги. Кроме того, мы же с тобой подруги...

Что было потом, Оля не помнила, она проснулась в чужой квартире. Надя, появившись перед ней в шелковой пижаме, пригласила ее завтракать. Выкупленная Надей коммунальная квартира словно дворец: повсюду колонны, статуи, зеркала; окна – от пола до потолка – просвечивают сквозь сборчатые занавеси.

Уютная кухня, лампа над круглым столом, тепло, чисто, пахнет кофе и поджаренным хлебом. А за окном слякоть, холод, безысходность...

– Я согласна, – сказала Оля уже после первого глотка. *Я тоже хочу так жить, и если не приму ее предложения, так и буду прозябать... Что у меня в жизни осталось? А так хотя бы деньги будут...*

– Ты хорошо подумала? – Надя внимательно посмотрела в ее глаза. – Ты понимаешь, чем тебе придется заниматься?

– Понимаю. Как понимаю и то, что все в этой жизни предопределено и мы должны были встретиться с тобой в Охотном Ряду...

– Я рада, что мы будем работать вместе... А что касается твоей сестры – она никогда ничего не узнает... Хочешь еще кофе?

6

Игорь Чаплин проснулся среди ночи и сел на постели, пытаясь вспомнить, где он. На то, что он не дома, указывало слишком многое, чтобы он мог в чем-то сомневаться. И первое – это запах. Это был запах не его дома. Пудра, бананы – вот чем пахло рядом с ним. Он в густой темноте протянул руку и нащупал чью-то голову, шелковистые волосы, нежный лоб... Кто эта женщина? Спросить: «Кто ты, девочка?» – он не мог, воспитание не позволяло, оставалось только покинуть постель, наспех одеться и уйти из этого нетрезвого бананового фрагмента его мужской жизни и отправиться вновь на поиски Машеньки. Его странствия по чужим постелям близились к концу. Его уже тошнило от легких побед, призывно торчащих грудей и изысканно накрытых столов. Его, неисправимого холостяка, всю его сознательную жизнь пытались женить, закабалить, заарканить, приручить. И всем без исключения он лгал, что женат, причем перед своей женой он хронически виноват за то-то и то-то, и пусть ему бог простит эту его ложь. Но самой большой ошибкой была его ложь Маше. Быть может, она откуда-то узнала, что он свободен, что живет один в огромной квартире, не обремененный ни женой, ни детьми, ни даже домашними животными. Его квартира для свиданий еще хранила Машин запах, схожий с ароматом горьковато-дымной листвы и грибной острой пиццы, которую они заказывали в расположенной всего в двух шагах от дома пиццерии. Он не позволял Маше опускаться до роли домработницы, шлепал по рукам, когда она собиралась прибраться, хлопал по задку, когда она хотела подмести или пропылесосить, хватал ее за хвост, за блестящий каштановый хвост, стянутый красной резинкой с красным же маком посередине, когда она намеревалась застелить постель. Не желал он смотреть, как она превращается в подобие приторной покладистой женушки. Машка была не такая. Она любила его так, как не любил никто, и все в ней внутри обрывалось, в ее желтых кошачьих глазах, когда он говорил ей про несуществующую жену. И он, глядя ей в эти самые сверкающие глаза, испытывал чувство вины, которое, как он знал, уже скоро распустится павлиньим хвостом восторга, когда он скажет, что никакой жены нет, что он убил ее так же, как и родил. Конечно, первая реакция ее будет бурной, как и сама Машка, она набросится на него с кулаками, но, когда он признается ей, что всю жизнь ждал ее, что хочет от нее детей, она станет мягкой, бархатистой, сочной, как сентябрьский персик, и он съест ее...

Не вышло, не получилось, реакция оказалась преждевременной – кто-то ушлый шепнул ей в ее розовое ушко о том, что он никогда не был женат, что он солгал ей, и она приняла решение не связываться с лжецом, она одним махом перерезала все кровотоки, которые так крепко держали их вместе и на время их пылких встреч превращали в единый организм. Он где-то слышал (ха-ха), в каком-то шоу или вычитал из популярных глянцевого журналов, что с любовью не шутят, что маленькая ложь порождает большое недоверие (ха-ха-ха!)... Он знал это с самого рождения, с пахнувшего подгорелой манной кашей детства, о любви, о сильном чувстве, сделавшем его красавицу мать черной богомолкой после смерти мужа, его отца... Она умерла с тоски. Вот и он после ухода Маши чувствовал себя потерянным, находящимся в бессознательном состоянии, иначе как объяснить то количество женщин, с которыми он проводил долгие вечера и ночи, изводя и себя, и этих кошек, ласковых и царапающихся своими длинными лакированными когтями (вот тебе, милый, моя роспись на твоей нежной коже, иди теперь, объясняйся с женой! А если бы он действительно был женат?!) и не понимая, что с ним происходит. Словно демонстрировал ей, невидимой Машеньке, свою мужскую состоятельность и тех женщин, которые готовы разорвать его на части, вот, Машка, смотри, я им всем нужен, а тебе нет, куда ты, черт тебя подери, делаешь? Она не отвечала на телефонные звонки, не было ее и дома. Сестра Оля лишь пожимала плечами, и ее глумливый взгляд раздражал его неимоверно, так и хотелось дать ей затрещину. Один раз он припер ее к стене в буквальном смысле слова, чуть не задушил, мол, где Машка, но она только улыбалась своими бледными

губами: уехала Маша, отдохнуть решила от тебя, от твоей жирной лжи – читал он в ее немом взгляде. Правда, Оля могла не знать об их отношениях, Машка, как он полагал, ничего ей не рассказывала. Или рассказала? Но что? Пожаловалась на то, что он не может решиться бросить жену, что пользуется ею, Машей, как красивой и удобной вещью? Вообще-то да, Машка могла в порыве отчаяния пожаловаться старшей сестре. Или младшей? Какая, в сущности, разница, главное, Маша исчезла, уехала. И раз Ольга была такая спокойная и не волновалась, значит, Машка спряталась в надежном месте. Укрылась от холодных ливней и ранних осенних снегопадов в какой-нибудь теплой стране, забила в какой-нибудь отель, где ела теперь жаренные в масле мидии и банальные пирожные со взбитыми сливками. Дурочка. Не могла подождать еще немного.

...Женщина застонала и забросила свою тонкую, почти невесомую руку ему за голову, хлестнув его по уху. Он тотчас вскочил и, голый, принялся искать в темноте комнаты свою одежду. Запрыгал упруго на одной ноге по толстому ковру, надевая брюки. Ба, да он был при полном параде: темный костюм, светлая рубашка, вот дурак-то, и чего ради вырядился? И портфель свой кожаный, рыжий, набитый бумагами, разыскал, прижал к груди, где колотилось сердце: а вдруг его ограбили? Пить украдкой горячий кофе в чужой кухне не хотелось, поскорее бы домой, в свой скит, в свою Оптину Пустынь, забиться в нору и прийти в себя. Но как прийти в себя, когда Маши нет? Где отыскать ее, чтобы выпросить прощения, чтобы зацеловать ее, дурочку, до ссадин на подбородке, до бесчувствия? Деловой Чаплин, ценящий тот факт, что Маша и ведать не ведала о его состоянии (обеспеченности, богатстве, называй, как хочешь), и тот скулил, тосковал по Машке, что уж говорить о Чаплине-романтике, по уши влюбленном в эту райскую птицу Марию. Шляется сейчас где-то по восточному базару, в бирюзовых льняных шортах и оранжевой майке, похрустывая, играя ракушечными простенькими бусами, и, поднимая сандалиями рыжую горячую пыль, разглядывает цветные холмики пряностей... Или, и об этом ему было особенно больно думать, меряет своими стройными белыми (загар еще не успел пристать к ней) ножками периметр голубого, с мраморной кромкой, бассейна, сводя с ума голых загорелых и блестящих, словно смазанных маслом, бездельников, развалившихся в полосатых полотняных шезлонгах и мысленно раздевающих его девочку. Хотя бы позвонила, накричала, что, мол, устала ждать, сколько можно жить с воображаемой ведьмой-женой, я все знаю, у тебя никого нет, ты мне просто бессовестно врал, смеялся надо мной... Она и звонить не стала, не предупредила, уехала, бросила его в сырой и холодный колодец, кишаший голодными остервенелыми бабами... Как крокодилы.

– Как крокодилы, – он сказал это уже вслух в подъезде, скатываясь по лестнице, как пьяный, не касаясь липких грязных перил...

Дома, погрузившись в горячую воду, он разглядывал зеркальный потолок своей ванной комнаты и думал о том, что следует предпринять что-то радикальное, чтобы найти Машу. Встретиться с Ольгой и выпотрошить ее, как норвежскую сельдь, выпытать каленым железом, куда упорхнула ее обиженная сестричка. Пошловатая идея дать ей денег ушла так же неожиданно, как и пришла. Они в сговоре, эти сестры, и Маша наверняка рассказала ей о том, каким негодяем оказался человек, которого она так любит... Или любила? Может, этот глагол следует теперь употреблять в прошедшем времени? Он вынырнул из воды, закашлялся, словно подавился этим невозможным предположением. И снова перед ним возникла Маша, полуодетая, с перепачканными томатной пастой губами («Ты обманул меня – эта пицца оказалась с рыбой!»), смеющаяся, счастливая... Единственная из женщин, которую он воспринимал не просто как любовницу – она была для него близким человеком, настолько близким, что ему ни разу не приходила в голову мысль, что они могут расстаться, что он хотя бы день не будет видеть ее. Она была его возлюбленной, его ласковой девочкой, частью его самого, как ни банально это звучало.

На запотевших узорчатых плитках кафеля он написал мокрым пальцем: «Маша, я тебя люблю!!!» Вот так. И три восклицательных знака.

7

Я познакомилась с англичанином лет сорока пяти. Худой, загорелый, словно он где-то поджарился на жарком солнце, высокий, светловолосый, с голубыми глазами и прекрасными зубами. Он довольно сносно говорил по-русски, объяснил, что несколько месяцев прожил в России, занимался какими-то научными экспериментами, я так и не поняла, чем именно, а ему, как мне думается, просто доставляло удовольствие путать меня, интриговать и вообще ставить в неловкое положение. Познакомилась я с ним в старом городе...

С тех пор, как я увидела Валентину, прошло два дня. Два спокойных дня, если не считать стопку евро, которые ни с того ни с сего подарила мне моя, как я теперь понимаю, слабоумная хозяйка. Эти деньги не давали мне покоя, и я решила к ним не притрагиваться до тех пор, пока мозги Стефаны не встанут на место и она не пожелает забрать их обратно. Утром я завтракала гренками, которые сама готовила себе, чудесным ежевичный конфитюром и кофе с молоком, потом отправлялась на прогулку, кружила по узким, заставленным машинами улицам, заглядывала в магазины и пыталась научиться хотя бы элементарным болгарским фразам или словам. Слушая щебет местных теток (стрижка «каре», джинсы и свитер, прокуренный голос), я постоянно ловила себя на том, что этот язык довольно похож на русский. Судя по тому, чем отоваривались домохозяйки, я поняла, что местные жители питаются брынзой (в каждом продуктовом магазине возле весов обязательно стоял алюминиевый поднос с крупно нарезанной влажной, белоснежной, похожей на затвердевший творог, брынзой), фасолью, макаронами с «лутеницей» – томатный соус с особыми специями, и «наденицей» – толстыми душистыми подкопченными сардельками. И еще, конечно, овощами. Оказавшаяся в Созополе и непонятно что здесь делавшая, я завидовала местным женщинам, которые в отличие от меня знали, куда идут и зачем, их кто-то ждал дома... А меня вот никто нигде не ждал. И я сама сделала все возможное, чтобы моя жизнь сложилась именно так, а не иначе.

Почему именно Болгария? Созопол? Бабушка Адрияна? Цепь случайно услышанных разговоров, реклама в газете, знакомая девчонка, работающая в туристическом агентстве. Интересно, она сама бы потащилась сюда, в этот город в ноябре? Или предпочла бы страну пожарче? Она говорила что-то о целебном морском воздухе, тишине и самой атмосфере, царящей в Созополе, об увядающих розах... Что ж, в этом она была права. Розы действительно увядали. Самые поздние сорта. В каждом палисаднике цвели розы. Ежились от ветра, но все равно цвели, и это было прекрасное зрелище. Одна женщина, зайдя в магазин, принялась раздирать розы... Кажется, у нее умер кто-то... А еще раздавала конфеты.

Я все собираюсь рассказать, как познакомилась с Робертом. И что этому предшествовало... Я, шатаюсь по городу и разглядывая витрины магазинов, вдруг увидела, как одна женщина расклеивает на столбах и стенах некрологи. Боже, как же они действовали мне на нервы! Так вот, она остановилась всего в двух шагах от меня, я в это время покупала у уличной торговли лимоны, и принялась клеить черно-белый листочек... И тут лимоны выпали у меня из рук и покатались... Мне показалось, что я вижу перед собой фотографию своей сестры, Оли. Девушка была похожа на нее, как две капли воды... Продавщица подняла рассыпавшиеся лимоны и просто вложила пакетик мне в руки, а я не могла оторвать взгляда от некролога. Понятное дело, что имя умершей два дня тому назад девушки было болгарское – Мина Туманова. Я спросила женщину, от чего умерла Мина, но она, возможно, восприняла мой вопрос как нечто бестактное и бросилась от меня прочь... Я решила позвонить Ольге, отошла в сторону, поднялась по лестнице, села на усыпанную пунцовыми виноградными листьями скамейку и как-то особенно нервно, торопливо принялась набирать знакомый номер. Но Оля, то есть абонент, находился вне зоны действия Сети. Мне стало как-то нехорошо, я медленно повернула голову и увидела прямо перед собой стену дома, а на ней еще два точно таких же

некролога... Да так можно с ума сойти! Эта Мина Туманова смотрела на меня так жалобно, словно хотела что-то сказать, о чем-то попросить. Правду говорят психологи – осень дурно действует на нервных и впечатлительных, к коим я себя и причисляла, людей. Я встала и спустилась на ту улицу, где видела эту женщину с пачкой некрологов в одной руке и банкой клея в другой. Ничего страшного не случится, подумала я, если я еще раз встречу ее и спрошу об этой умершей девушке. Она должна понять, что я расспрашиваю ее не случайно, я скажу ей, что эта Мина похожа на мою родную сестру Ольгу как две капли воды... И я быстрым шагом направилась в ту же сторону, что и она. И мне повезло – я увидела ее за поворотом, ведущим к старому городу. Она расклеивала свои скорбные листочки на очередном столбе. Я прибавила ходу, и тут она, словно почувствовав мое приближение, повернула голову, увидела меня и припустила что есть духу на противоположную сторону улицы, где скрылась в лабиринте торговых палаток... Я тоже перешла улицу, и началась самая настоящая погоня. Но женщина, полненькая, невысокая, с растрепанными черными стриженными волосами, в черной кожаной куртке, замелькала совсем уж далеко от меня, потом она свернула к пристани, я за ней... С пристани она отправилась в старый город, женщина словно вела меня за собой все дальше и дальше известной мне «Книжарницы» (книжный магазин), туда, куда я не осмеливалась еще углубиться... Я не знаю, чего боялась, но старый город, напоминающий своими каменными и деревянными домами музей под открытым небом, внушал мне, помимо уважения, еще и безотчетный страх. Если Созопол представлял собой вытянутый и уходящий далеко в море узкий, как аппендикс, полуостров, то старый город находился как раз в самом конце этой кишки и располагался на скале. Я бежала по улице, стиснутой двухэтажными, увитыми узловатыми виноградными плетями домами, не встречая по дороге ни единого человека, и вот налетела на понуро бредущую овчарку и чуть не захлебнулась собственным криком... Понимая, что дальше может быть еще хуже и страшнее, я, преодолевая страх, повернула обратно, но шла уже медленно, зная, что за мной бредет собака... У «Книжарницы» я остановилась, чтобы перевести дух. Сделала вид, что разглядываю единственную открытую в это несезонное время сувенирную лавку с выставленным прямо на улице товаром: красные клетчатые, ручной работы скатерти и салфетки, керамические кастрюли и тарелки зеленовато-коричнево-оранжевых оттенков, деревянные, расписанные видами Созопола шкатулки, толстые, из овечьего меха, домашние тапочки, вязаные, грубой шерсти, жилеты и свитера... Здесь же – корзинки со склянками, наполненными розовым маслом и розовым, упакованным в пергамент мылом.

Из кафе, расположенного по соседству, доносилась спокойная греческая музыка. Это было греческое кафе, в Созополе вообще много чего греческого, ведь и Созопол-то основали греки две с половиной тысячи лет назад... Я вошла и опустилась на первую же скамью. Ко мне подошла молоденькая официантка, от которой сильно пахло духами, и я заказала кофе. Вот тогда-то ко мне и подошел Роберт, он до моего появления сидел в глубине кафе. Пришел со своим кофе, сел напротив и улыбнулся мне.

– Привет, – сказал он, и я почувствовала облегчение. Теперь я хотя бы не одна, и я попрошу этого мужчину проводить меня до дому. Чего бы мне это ни стоило. – Извините...

А потом пошел обычный разговор между незнакомыми скупающими людьми. Я из Лондона, а вы? А я из России. Какая там погода? Синхронный дежурнейший вопрос. Да какая разница, какая в России погода? Холодно, наверное, снег, слякоть... А мы вот в кафе, пьем кофе, отвратительный на вкус, непонятно, что туда насыпали, какую-то горькую дрянь вроде перца, что ли? Да и сколько его, этого кофе? Один глоток, к тому же он густой, невозможный, как яд...

Мы вышли и отправились на поиски ресторана, где можно было бы поужинать вкусной горячей едой, а не только выпить кофе. Искали, но не нашли, все рестораны в это время были уже закрыты: не сезон... *Не сезон*. Как часто я буду слышать эту фразу... И тут Роберт предложил поехать в Бургас. В полчаса езды отсюда... Он что-то говорил о китайском ресторане,

о том, что если мы там задержимся, то сможем вернуться на автобусе, который ходит между Созополом и Бургасом каждые пять минут, или на такси... Он был очень практичный и знал, чего хотел от жизни, этот англичанин, и даже не от жизни, а от меня.

Между тем совсем стемнело, зажглись фонари, а мы все бродили и бродили по старому городу, не зная, чем себя занять. Хотелось есть, хотелось домой, если можно назвать домом чужое жилище, принадлежащее сумасшедшей Стефане. С моря подул прохладный ветер, запахло рыбой... Роберт все пытался взять меня за руку, но я делала вид, что не понимаю его жеста, и ловко убирала руку всякий раз, когда он хотел ее поймать. Наконец он остановился и сказал мне, что приглашает меня к себе, что он снимает здесь, неподалеку, квартиру, прямо на берегу моря, в старинном особнячке, что там очень красиво, тепло, потому что он днем топил камин, что у него есть свежая рыба и персики.

– Роберт, – я задала этот мучивший меня вопрос, – это правда, что к русским женщинам тут, да и не только тут, но и вообще во многих странах, относятся, как к шлюхам?

Он не понял последнего слова, а я не знала, как объяснить.

– О, русские женщины очень красивые, мы любить русские женщины! – воскликнул Роберт. – И ты очень красивая девушка, Мария.

– Роберт, не валяй дурака, – я хлопнула его по рукаву. – Отвечай на вопрос: откуда такое отношение к женщинам?

И тут он спокойно, подбирая слова, ответил:

– Русские женщины приезжают сюда, чтобы заработать... А ты... ты разве приехала сюда не за этим? Вот только не понимаю, почему в ноябре? Это не сезон, мужчин мало...

– Я приехала сюда, чтобы поесть жареной рыбы, – я едва сдерживалась, чтобы не залепить ему пощечину. Так вот, значит, какие цели преследовал этот симпатичный, с благородной внешностью англичанин, мать его. – Роберт, я любила одного мужчину, и он любил меня, у меня будет от него ребенок... Но он женат, понимаешь, и не собирается разводиться со своей женой! Словом, я сбежала из Москвы сюда, чтобы он меня не нашел. Именно поэтому я и не пойду к тебе и никогда не поеду в Бургас. Я не та, за кого ты меня принял, вот так-то вот. И будь ты русским парнем, я влепила бы тебе пощечину... – И я произвела характерный жест, замахнулась на Роберта, который моментально отреагировав, поймал-таки мою руку и крепко сжал.

– Мария, ты можешь ударить меня, но малко-малко, – последние слова он произнес на болгарском языке. Подумаешь, меня приняли за русскую шлюху, здесь ко всем русским женщинам так относятся, и он не первый, кто смотрел меня похотливым взглядом все то время, что я жила в Созополе.

– Да ладно, Роберт, я не злюсь... И вообще мне пора домой. Ты меня не проводишь?

– Конечно, провожу!

Мы поднимались по крутой каменной лестнице в новый город молча. Он, по-видимому, расстроился, что оскорбил меня, а мне просто нечего было сказать: в порыве чувств я выдала ему о себе все, что могла... Небо здесь было низкое, и звезды горели прямо над головой – не как в России. Мне хотелось обратить его внимание на это, но я сдержалась. Теперь мне вообще было трудно строить с ним отношения, чтобы своей разговорчивостью и желанием свободно общаться не спровоцировать его на решительные действия. А вдруг он не поверил мне?

На самом верху лестницы я почувствовала, что сердце мое колотится, как после утомительной тренировки.

– Как тебе Созопол? – спросила я наконец, чтобы не молчать, чтобы Роберт смог забыть о своем промахе и мы вернулись бы к прерванному разговору. – Нравится?

– Красивый город, – задумчиво проговорил он. – Я приезжаю сюда каждый год.

– И каждый раз осенью?

– Нет, в августе здесь тепло, а вода... – Он вздохнул, обернувшись и бросив долгий взгляд на раскинувшееся за нашими спинами спокойное, поблескивающее отраженными прибреж-

ными огнями море. – Тут очень хорошо... – И без паузы, сразу: – Я тоже сбежал от своей жены. Спрятался, – он усмехнулся. – Не знаю, как быть, как с ней жить, мы не понимаем друг друга, она живет с арабом, мне кажется, что он террорист, у него были какие-то нехорошие дела в Иордании... Мне сказали об этом мои друзья. Но моя жена ничего не хочет слышать.

Я не могла давать ему советы, не имела права, хотя бы потому, что не была его другом, но меня так и подмывало сказать, что, мол, бросай свою жену, которая спит с арабом-террористом, что это не жизнь и что поездка в Созопол ничего не решит, а просто все отложится на неопределенное время... Но, думаю, он и сам все знал.

Наша прогулка оказалась под конец скомканной, тяжелой. Роберт проводил меня до самого крыльца, мы стояли под высокими черными кипарисами и молчали. Да, он о русских женщинах думает плохо, даже не плохо, а скорее определенно, что может унижить приличную женщину, но здесь нас только двое, храбро подумала я, и никто никогда не узнает, что я провела ночь с англичанином, причем не переспала с ним, а просто провела ночь за разговорами, за кофе или чаем... Мне было страшно оставаться дома одной, я не хотела встречаться со Стефаной, в конце концов, мне надо выговориться и рассказать кому-то о Валентине... И я решилась.

– Роберт, два дня тому назад я увидела привидение... Ты знаешь, что означает это слово?

– Привидение?

– Я боюсь оставаться здесь одна, я снова не буду целую ночь спать, а это может повредить моему ребенку, – я похлопала себя по животу. – Ты бы не мог переночевать у меня? Я накормлю тебя, мы посидим перед камином, поговорим, ты расскажешь мне про свою жену и ее опасного араба... Тебе ведь тоже скучно. И думай обо мне все что хочешь...

Роберт взял меня за руку.

– Того парня, от которого я сбежала, зовут Игорем. Я очень люблю его, и то, что я приглашаю тебя к себе на ночь, еще ничего не значит, кроме того, что я тебе сказала... Ты согласен? Если нет, я не обижусь... Возможно, я скоро уеду, но я заплатила вперед хозяйке, и мне не хотелось бы терять деньги... К тому же у меня есть билет на обратный рейс из Бургаса... Словом, мне надо как-то тут прожить почти две недели. Ты согласен побыть это время со мной, но не как с женщиной, а просто как с человеком?

Я предлагала ему себя и в то же время отказывала ему в самом, как мне казалось, необходимом: в тепле и ласке. Роберт смотрел на меня и, судя по его взгляду, ничего не понимал. Может, думал он, я просто кокетничаю и пытаюсь придать нашим курортным отношениям романтический оттенок? Но мне было в тот момент все равно, что он подумает. Мне нужен был он сам, его присутствие, его голос в полумраке моей комнаты, его дыхание где-то поблизости...

– Да, да конечно, я согласен! – вскричал он шепотом, словно опомнившись. – Пойдем, а то твои хозяева увидят, как я вхожу к тебе... Может, им это не понравится...

Я открыла дверь и пропустила Роберта вперед. Все, теперь этот английский благородный зверь, этот воспитанный британский пес будет лежать возле моих ног и охранять меня от призраков и сумасшедших.

Прости меня, Игорь, сказала я, задрав голову и обращаясь к темно-синему небу, по которому ветер гнал большую черную лохматую тучу, я обещаю тебе, что буду вести себя достойно... Но согласись, Роберт ничего, а?

8

Ольга вернулась домой за полночь, зацелованная до полуобморочного состояния, с ослабевшими ногами и пахнувшая, как никогда, мужчиной. Она старалась не думать, чем она занимается и за что получает деньги. Сбросив с себя одежду и погрузившись с горячей водой, она с усмешкой намыливала большую зеленую мочалку и думала о том, что зря люди говорят, будто деньги не пахнут. Еще как пахнут. В ее случае деньги пахли мужчиной, и запах этот, как казалось ей, неистребим, что им пропитались ее кожа, волосы и даже ногти... Нравился ли ей этот мужчина? Да какая разница. Главное, что за него платили...

На автоответчике было пять сообщений, и все от Игоря. Он сначала просил, а потом и требовал встречи, и она знала зачем, он искал Машку. Вот и пусть ищет, раз так хочется. Машка не зря от него сбежала, значит, была причина. Да и вообще причина всегда одна: недостаточность любви. Значит, он мало любил, мало... Правильно Машка ей тогда сказала, когда Оля поведала ей об измене Виктора, что он спит с секретаршей. Первый муж, последний... Машка хоть и не видела Виктора, но словно чувствовала, что Оле не стоит выходить замуж во второй раз, или просто так совпало? Как бы то ни было, измену мужа она пережила, а потом и вовсе выставила его, голубчика, из квартиры, гуляй, Вася, жуй опилки... Развод за деньги обещали сделать быстро: Ольга боялась осложнений, связанных с квартирой. А помогла ей все позабыть и найти в себе силы начать новую жизнь Надя. Странная женщина, сильная, и мыслит неординарно, потому и везет ей, ничего не боится...

О Наде она тоже старалась не думать. Просто работала на нее, не задавая лишних вопросов, получала свои деньги и возвращалась домой с чувством нереальности происходящего... Но разве это преступление?

В квартире было тихо, так тихо, что слышно, как за стеной у соседей работает телевизор да шумит, как в колодце, вода в трубах... Ольга, в толстом халате до пят, с тюрбаном из полотенца на голове, забралась в кресло, взяла телефон в руки и в который уже раз попыталась связаться с сестрой. Но Машка не отвечала. Видимо, была очень далеко. Или же просто отключила телефон, чтобы ее не нашел Игорь. И чего этому женатику от нее надо? И тут в руках ее ожил телефон, и на зеленоватом водянистом дисплее появилось имя. Оля словом вызвала Игоря. Она решила с ним не церемониться. Но и он, как оказалось, был настроен серьезно:

- Ольга, я стою у подъезда. Пожалуйста, открой дверь, мне нужно с тобой поговорить...
- Игорь, я понимаю, ты разыскиваешь Машу, но, поверь, я не знаю, где она...
- Открой, нам надо поговорить. На улице дождь, не оставишь же ты меня стоять под дверью... Да и консьержка, чего доброго, вызовет милицию...

Привлекать к своей персоне внимание консьержки не входило в ее планы. Она впустила Игоря, нисколько не заботясь о том, что собирается предстать перед ним во всем домашнем, с остатками жирного крема на лице. После стольких часов, проведенных с мужчиной, она воспринимала гостя исключительно как бывшего любовника своей сестры и не собиралась даже приглашать его в комнату. Но уже через пару минут, что он простоял в передней, приводя себя в порядок после дождя и ветра (стройный черноволосый brunet с бледной кожей и ярко-синими глазами приглаживал волосы, стряхивал капли дождя с плаща, и вид у него при этом был довольно-таки виноватый, почему?), Ольга поняла, что разрыв с таким обаятельным красавцем не мог не стоить ее сестрице здоровья, потрепанных нервов, слез, да и вообще превратился в самую настоящую драму. Ведь не зря же она исчезла, даже ей, своей сестре, не сообщив адреса, куда отправляется. Спрашивается, к чему такая конспирация? Но это Оля раньше так думала, теперь же, с восхищением разглядывая Игоря Чаплина (поди ж ты, какая смешная, комичная и совершенно не-подходящая фамилия для такого серьезного господина), она поняла причину таких радикальных мер, предпринятых Машкой: слишком велико было

бы искушение... Видимо, Маша предполагала, что Чаплин станет ее искать и непременно свяжется с сестрой, будет при этом настойчив и в конечном счете выбьет адрес из Ольги... А так, чем меньше Оля знает, тем меньше вероятность, что Игорь разыщет Машу.

– Мне очень жаль, Игорь, – бляла Ольга, испытывая жгучий стыд за свой неприбранный внешний вид, особенно за жирные блестящие щеки, – но я действительно не могу тебе ничем помочь. Маша не оставила мне свои координаты, я не знаю, куда она подалась. Могу себе лишь представить, как ей было тяжело, раз она приняла такое решение...

– Но она хотя бы звонила тебе? Ольга, ты непустишь меня? Я так и останусь стоять на пороге? Как-никак я твой будущий родственник...

Он говорил это с непроницаемым лицом, словно и не шутил...

– Ты это серьезно? – Ольга смягчилась и позволила ему пройти, предварительно указав взглядом на мужские домашние туфли – единственное напоминание о ее непродолжительной семейной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.